

Александр Ратнер

Путин XIX века

«Кто взглянет беспристрастно на европейские государства, тот согласится, что они отжили свой век... Разврат во Франции, леность в Италии, жестокость в Испании, эгоизм в Англии — неужели совместны с понятием о счастье гражданского общества, об идеале Божьем? Золотой телец — деньги, которому поклоняется вся Европа, неужели есть высший градус нового христианского просвещения? Где же добро святое?»

Михаил Погодин,
русский историк,
1838 год

Европейцы запаниковали, и это сделало Путина чересчур уверенным в себе: в тупике он увидел возможность осуществить планы, которые прежде считал долговременной перспективой. И тогда Путин начал вести себя, как русский царь, как Николай I больше столетия назад». Это сравнение Генри Киссинджер привёл в одном из последних интервью The National Interest. И он не первый, кто сравнил Владимира Путина с одиннадцатым российским императором.

Действительно, если искать сходство президента России с царями династии Романовых, то Николай I окажется наиболее подходящей персоной. Возможно, так считает и сам президент: корреспондент французской газеты Le Monde Жером Готере обнаружил портрет Николая I в кабинете Путина. То, что Владимир Владимирович считает Николая Павловича своим альтер эго, неудивительно. Удивительно другое.

Зная подробности жизни Николая I, его последователь совершает те же ошибки, которые привели императора к преждевременной смерти 160 лет назад.

1854

Катастрофа случилась 2 сентября. Весть о высадке 60-тысячного десанта союзников в Евпатории добралась до Санкт-Петербурга через 10 дней и ошеломила императора. Ведь до этого военные советники наперебой говорили, что даже великий Бонапарт не решился десантировать армию в Британии. Что армия не может воевать без тыла. В один голос они утверждали: союзники ограничатся бомбардировкой Севастополя, как в апреле

это уже случилось с Одессой. А если и высадят десант, то незначительный. А если даже 5 тыс. или даже 10 тыс. десантников объявятся вблизи Севастополя, генерал-адъютант князь Александр Меншиков с 35-тысячной армией встретит и разгромит врага на дальних подступах. Сам Меншиков докладывал, что «состоящие под его начальством войска, одушевлённые рвением и преданностью престолу и отечеству, с нетерпением ожидают минуты сразиться с неприятелем».

Через неделю пришло известие о поражении войск Меншикова на Альме, сопровождаемое докладом об ошеломляющем огне штуцеров, которыми оказалась вооружена армия противника. Эти винтовые ружья, вдвое превосходя в дальности огня даже русскую артиллерию, превратили бой в бойню.

Скоро царю сообщили, что русский флот затоплен, а 5 октября во время первой бомбардировки осаждённого Севастополя погиб командующий флотом адмирал Владимир Корнилов. Попытки прорвать блокаду города в октябре и ноябре провалились. В докладах Меншикова императору сквозило отчаяние — князь не был уверен, что русская армия в случае наступления удержит Крым, не говоря уже о Севастополе.

Государь в письмах подбадривал князя, хотя сам пребывал на грани отчаяния. Все его труды, всё, чем могла теперь, по истечении 29 лет его царствования, гордиться Россия, — всё шло прахом. Впервые с 1812 года неприятель не просто ступил на землю империи, но и нанёс русской армии сокрушительное поражение. Гордость всего государства — Черноморский флот — лежал на дне Сева-

стопольской бухты, бесславно затопленный без боя. Да и сам августейший город, символ императорской славы, был окружён, блокирован и готов пасть в любую минуту.

Внук Екатерины Великой, брат победителя Наполеона, самый могущественный человек Европы, а значит, и мира, загубил и вверенное ему наследие, и главное дело императоров российских.

Бабкина мечта

Турция была противником извечным. Однако до Екатерины Великой противостояние двух империй в богом забытых южных степях носило обыкновенный характер приграничных конфликтов. То крымский хан, подданный султана, пошлится на изюмском тракте. То казаки возьмут приступом Азов. Екатерина, первая помыслившая Россию не просто глобальным игроком, но мировым лидером, придала отношениям с Турцией новый, далеко идущий смысл.

По замыслу Екатерины, Оттоманскую империю следовало расчленить, как в своё время расчленили Речь Посполитую. Из Молдавии, Валахии и Бессарабии можно было создать православное королевство Дакию (впоследствии так и образовалась Румыния). Но главной затеей императрицы было, как она написала в 1782 году в письме Иосифу II, императору Священной Римской империи, «восстановление древней греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего». У императрицы был подготовлен и новый базилевс.

К тому времени у будущего императора Павла было два сына. Обоим

Екатерина дала необычные для династии Романовых греческие имена. Старшему, Александру, предстояло унаследовать Россию. А его брату бабка готовила престол Царьграда. По преданию, восстановить Второй Рим, основанный Константином Великим, должен был также император Константин. Так и определилось «геополитическое» имя второго внука Екатерины.

Однако Иосиф II понимал: движет Екатериной не забота о Софийском соборе, осквернённом минаретами, и не печаль о христианах, страдающих под гнётом султана. Контроль над Босфором, свободный выход Черноморского флота в Средиземное море — вот, что заботило российскую государыню. Путём создания православных государств на Балканах императрица намеревалась протереть влияние России на всё Восточное Средиземноморье. Поэтому Иосиф не просто вежливо отклонил предложение, но и с помощью коллег в Париже и Лондоне сделал всё, чтобы Россия от Греческого проекта отказалась.

За четыре месяца до кончины Екатерины у Павла родился третий сын. Престола для него не предполагалось, но продолжавшая грезить античностью бабка и этого внука назвала на греческий лад. Увы, но имя Николай, то есть «победитель народов», оказалось проклятием для обоих носивших его императоров.

Реализация заложенных в имени амбиций Екатерины обернулась военно-политическим поражением страны и смертью её государей.

Православная империя

Рождество 1854-го в Зимнем дворце встречали в подавленном настроении. С каждым днём надежды начастливое разрешение севастопольской катастрофы таяли. Николай раз за разом писал Меншикову, побуждая к активным действиям.

Но Меншиков медлил. Он просил подкрепления своим войскам, присылки пороха, жаловался на дороговизну фуража, на дурное состояние дорог — и отлагал изо дня в день решительные действия. Наконец, он попросил об увольнении с должности главнокомандующего Крымской армией. Николай сообщил, что направляет на замену князя Михаила Горчакова, но и потребовал от Меншикова самых решительных дел. Командующий обещал попытку прорыва в направлении Евпатории.

27 января Николай слёг с гриппом. Мечась в жару, он требовал депеш из Крыма. Всего год отделил его от даты, когда он, опьянённый могуществом, отверг ультиматум Англии и Франции и велел разорвать дипломатические отношения с «европейским концертом».

Греческий проект не умер с Екатериной Великой. Николай вместе с венцом словно бы принял в 1825-м от отрёкшегося Константина заложенное в его имени предназначение. Не успев освоиться на престоле, молодой император объявил себя покровителем православных подданных султана и вскоре блистательно выиграл войну с Турцией, 30 лет не знавшей угрозы от России. К империи были присоединены закавказские княжества и царства. Но главное было сделано на Балканах: Греция, Сербия и Молдавия с Валахией получили автономию.

Европейские революции 1848 года наполнили Николая презрением к слабакам-либералам, занимавшим западные престолы. И к средиземноморским резонам Екатерины добавилась миссия, целиком поглотившая императора. Автором новой российской международной политики стал публицист и издатель Михаил Погодин. «Россия должна сделаться главою Славянского союза», — писал Погодин. — Русский язык должен со временем стать общим литературным языком для всех славянских племён... К этому союзу по географическому положению, находясь между славянскими землями, должны пристать Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания». Идею создания «великой православной империи от Восточного океана до моря Адриатического» подхватил весь просвещённый класс империи.

*Семь внутренних морей
и семь великих рек,
От Нила до Невы,
От Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат,
От Ганга до Дуная —
Вот царство русское...*

Эти стихи тех лет Фёдора Тютчева, автора незабвенных строк «умом Россию не понять». Любимец императора, певец оккупации Польши Пушкин не дождал до погодинских времён: был бы и ему повод для оды. Но строчки «Запомни же ныне ты слово моё: Воитель слава — отрада; Победой прославлено имя твоё: Твой щит на вратах Царьграда» стали словно бы девизом последних лет царствования Николая. В январе 1853 года командующий Черноморским флотом адмирал Владимир Корнилов получил команду готовиться к десанту в духе Вещего Олега: «Ежели флот в состоянии будет поднять в один раз 16 тысяч человек с 32 полевыми орудиями, при двух сотнях казаков, то сего достаточно будет, чтобы при неожиданном появлении завладеть не только Босфором, но и самим Царьградом».

Дипломаты успели отговорить государя от прямой и неприкрытой

«Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии всё видеть своими глазами, всё слышать своими ушами, всё регламентировать по своему разумению, всё преобразовывать своею волею. В результате он лишь нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели ни права на них указывать, ни возможности с ними оротиться»

Фрейлина Анна Тютчева о Николае I

Николай vs Владимир

«Россия сумеет и в 1854 году показать себя такой же, какой она была в 1812-м»

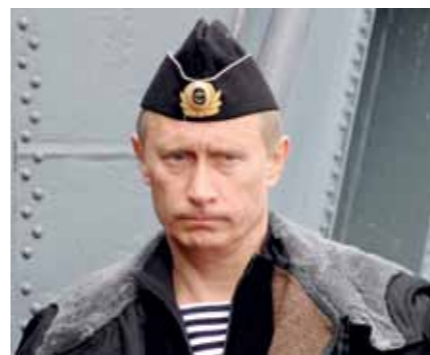
«Я не могу более почтить память покойного, как повторив с уважением последние слова его. Он говорил: «Я счастлив, что умираю за Отечество». Россия не забудет этих слов, и детям вашим переходит имя, почтенное в истории Русского флота»
Вдове адмирала Корнилова

«...Если бы не явное покровительство Божественного Провидения — мне было бы не только невозможно поступать надлежащим образом, но даже справляться с тем, что требует от меня заурядный круг моих настоящих обязанностей»

агрессии в отношении южного соседа. Было решено требовать у Порты (турецкого правительства) передачи под суверенитет России всех православных на Балканах, составлявших до трети населения Османской империи. Впрочем, мнение самих православных никого не интересовало: «Война 53-го года возгорелась не из-за политической свободы единоплемеников наших, а из-за требований преобладания самой России в пределах Турции», — объясняет современник Крымской войны российский дипломат Константин Леонтьев. — Наше покровительство гораздо более, чем их свобода, — вот, что имело в виду! Сам Государь считал себя вправе подчинить себе султана, как монарха Монарху, — а потом уже, по своему усмотрению (по усмотрению России как великой православной державы), сделать для единоверцев то, что заблагорассудится нам, а не то, что они пожелают для себя сами».

28 февраля 1853 года морской министр Александр Меншиков был отправлен в Стамбул с ультиматумом. Турция отвергла требования. Канцлер Российской империи Карл Нессельроде пытался убедить Ни-

Шесть цитат двух самодержцев

«Если я захочу, за две недели возьму Киев»

«Она утонула»
О гибели подводной лодки «Курск»

«Если сравнить с другими периодами развития России, вот этот период был далеко не самым худшим, а может быть, одним из лучших. Я не вижу никаких крупных системных ошибок, которые я хотел бы повернуть назад и исправить»

колая, что «в этом конфликте Россия будет воевать против всего мира одна и без союзников». Но, как писал впоследствии Меншиков, «государь был словно пьян, никаких резонов не принимал, был убеждён в своём всемогуществе».

14 июня 1853-го Николай сообщил в манифесте: «Источив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения наших справедливых требований, признали мы необходимым двинуть войска наши в придунайские княжества, дабы показать Порте, к чему может вести её упорство».

Похмелье

Осенью 1853 года русская армия вступила в Валахию и Молдавию, заняв позицию вдоль Дуная. А в ноябре эскадра Павла Нахимова под надуманным предлогом напала на турецкую эскадру в Синопской гавани и разгромила её. России охватило патриотический экстаз. «От всей России войне сочувствие, — писал Степан Шевырёв, редактор журнала «Москвитянин». — Таких дивных и единомышленных наборов ещё не бы-

5 общих черт николаевской и путинской России

- экспорт сырья как основа экономики, радикальное отставание уровня промышленности от европейских стран;
- презрение и недоверие к Европе, изоляционизм;
- национализм, шовинизм, милитаризм и культ прежней победы (в Отечественной войне);
- тотальная коррупция и чиновничий произвол;
- повальная цензура, тотальный контроль, засилье спецслужб

3 последствия Крымской войны для России

- 128 тысяч погибших в боях и 183 тысячи солдат, умерших от болезней на пути к Севастополю и во время эвакуации из него;
- запрет иметь Черноморский флот;
- международная изоляция

КРЫМНАШ
Крымская авантюра дорого обошлась Российской империи: армия разбита, Черноморского флота нет, экономика в упадке, влияние в регионе Чёрного моря потеряно

«Мы были убеждены, что только несчастная война могла остановить дальнейшее гниение»

Сергей Соловьёв, российский историк

вало. Посылают Аполлонов Бельведерских... Крестовый поход. Война и война, нет слова на мир». Аксаков Погодину: «Нахимов молодец, истинный герой русский». Погодин в ответ: «Самая великая и торжественная минута наступила для нас, какой не бывало, может быть, с Полтавского и Бородинского дня».

В январе 1854 года в Чёрное море вошла англо-французская эскадра. Союзники делают последнюю попытку решить дело миром. 4 февраля в депеше Николаю Наполеон III пишет, что европейские партнёры не хотят войны, что ежели Россия откажется от оккупации придунайских владений Турции, инцидент будет исчерпан. «Россия сумеет и в 1854 году показать себя такой же, какой она была в 1812-м», — ответил Николай французскому императору.

Спустя год после этого высокомерного заявления российский император лежал с гриппом в жару, ежедневно ожидая известий о падении Севастополя и надеясь на чудо, которое бы спасло русскую армию от позорного поражения. На 9 февраля был назначен смотр маршевых батальонов. Известий о чуде не поступило. Николай

поднимается и едет на смотр в 20-градусный мороз. Там снимает шинель и встречает батальоны в одном мундире. Лейб-медик Фридрих Мандт восклицает: «Государь, это хуже, чем смерть, это самоубийство!» Назавтра мороз усиливается, но император снова едет смотреть войска без шинели — и слезает с воспалением лёгких. Но крепкий организм (Николай не курил и не пил крепкого) не сдаётся: через четыре дня Николай встаёт, чтобы узнать, что попытка генерала Степана Хрулёва прорвать окружение у Евпатории провалилась и надежды не осталось никакой.

15 и 16 февраля Николай работает в кабинете. 17-го ему неожиданно делается худо. Он передаёт последние распоряжения, прощается с каждым из детей и внуков. Утром 18-го начинается мучительная агония, нехарактерная для воспаления лёгких. В 12 минут первого пополудни Николай I умер. Сразу выяснилось, что император в последней воле запретил посмертное своё вскрытие. Лейб-медик Мандт спешно покинул пределы России.

Биограф Николая Николай Шильдер записал на полях: «Отравился». □